

Это был самый мучительный период повышенной чувствительности за последние десять лет для Ци Ханя.

Вся та радость и трепетное ожидание, связанные с днём рождения и тортом, рухнули в одно мгновение. А мягкие, почти ласковые провокации Фу Гэ только сильнее разжигали жар в теле, поднимая до предела томление и боль.

Разум и силы медленно угасали, отчаяние и физическая боль разрывали его на части. Почти инстинктивно, не осознавая своих действий, Ци Хань пополз вперёд, цепляясь дрожащими пальцами за пол.

— Гэ... не уходи, пожалуйста.

Шлёп! — звонкий звук разнёсся по комнате, когда Фу Гэ резко оттолкнул его руку. Он присел на корточки и достал носовой платок.

Но не для того, чтобы вытереть слёзы с его заплаканного лица. Лёгким, почти презрительным движением он стал протирать подол своих брюк, где только что прикоснулись пальцы альфы.

Ци Хань остолбенел:

— Я... я не грязный.

Фу Гэ холодно бросил носовой платок на пол, словно ненужный мусор:

— Не смей меня пачкать.

Альфа оцепенел. В глазах, подёрнутых пеленой агонии, осталась только его уходящая спина. Точно так же, как когда сам выходил из комнаты, оставляя его связанного и сломленного, едва дышащего на грязных простынях.

Ци Хань горько усмехнулся и медленно закрыл глаза. Пальцы дрожали, сжимая последние обугленные кусочки альбома. Пепел плавно кружил в воздухе, оседая на плечах и руках.

Он почти машинально зажмурился сильнее, и в этот миг в голове пронеслась мысль:

Я сам разбил стекло. Так что какое я имею право жаловаться на осколки, которые теперь режут мне руки?

В ту ночь Ци Хань едва не лишился половины своей жизни. Когда Чэнь Син привёл людей и нашёл его, Ци Хань лежал без сознания в наполненной ледяной водой ванне.

Три с лишним часа его вытаскивали с того света, и только после этого врачи наконец-то с облегчением выдохнули. Но уже на следующий день после того, как он очнулся, Ци Хань снова лежал привязанный к больничной кровати, готовясь к очередному забору феромонов.

Чэнь Син в тот момент едва не врезал ему кулаком, чтобы вышибить остатки дурасти.

— Да тут уже можно ремнями и не привязывать. — он зло фыркнул, глядя на его истощённое тело. — На кого он ещё прыгать-то собрался? И дозу не контролируйте, тащите сколько хотите. Давайте, высосите его до последней капли, раз уж он так хочет подохнуть.

Ци Хань поморщился, раздражённо шикнул:

— Проваливай к своему 303, не шуми тут.

— Ты еще и недоволен? Да если бы не я, ты бы давно окочурился! Тебя бы уже выловили размокшим в этой чертовой ванне! А этот маленький бета... Вот уж не знал, что он такой бессердечный. Просто бросил тебя там помирать, никого не позвал! Я бы еще на пару минут опоздал, и ты бы уже...

— Чэнь Син! — резко оборвал его Ци Хань, болезненно наморщив лоб. — Да заткнись ты уже.

Чэнь Син злобно покосился на него, развернулся и бросил:

— Я сейчас пойду и расскажу ему, чьи феромоны он использует! Посмотрим, останется ли у него такая же чистая совесть.

Но не успел он сделать и пары шагов, как вдруг с хриплым, почти рваным звуком по комнате разлился тяжёлый запах.

— Ах ты ж... мать твою! — Чэнь Син сдавленно вскрикнул, ноги подломились сами собой. Его буквально впечатало в пол, и он с изумлением уставился на полумёртвого Ци Ханя, который даже пальцем не пошевелил.

С 3S-уровневым альфой шутки были плохи. Да что там, даже в таком состоянии он давил своим феромонам так, что перед глазами мутнело.

— Чёрт, да убери ты это, придурок! — Чэнь Син пытался хоть как-то подняться, но тяжесть феромонов вдавливала его в пол, будто сотни килограммов свинца. Пот катился по вискам, а руки дрожали так, что он едва удерживал себя на локтях.

— Да ты офигел, братан! Да ты ж уже сдох наполовину, откуда в тебе столько сил... мать твою... — прохрипел он, нервно рассмеявшись.

Ци Хань тяжело вздохнул, медленно убирая феромоны, и сдавленно выдохнул:

— Если знаешь, что я едва держусь, так не устраивай мне цирк.

Чэнь Син кое-как поднялся на ноги, но так просто не сдался:

— Хань-ге!

— Вон! — Ци Хань зажмурил глаза, голос сорвался на почти яростный рык.

Только тогда Чэнь Син обреченно удалился, бросив на него последний обеспокоенный взгляд.

И это была всего лишь двадцатая пробирка феромонов. Железы Ци Ханя уже работали на износ, и врачи всерьез опасались, что он просто не дотянет до тех пор, пока Фу Гэ не оправится.

Может, потому что феромонов почти не осталось, а может, потому что боль стала привычной, но в этот раз Ци Хань почти не реагировал.

Кроме первых минут, когда тело содрогалось от судорог, он даже не вскрикнул. Позже врачи поняли, что это не потому, что ему не было больно, а просто сил уже не осталось.

После окончания процедуры он долго лежал на кровати, уставившись в потолок пустым взглядом, прежде чем медленно приподнялся. Он отрешённо наблюдал, как медсестра наполняла пробирки светло-розовой жидкостью и аккуратно клеила на них ярлыки.

На этикетке было написано: «Донор №046, Ци Чуань».

Даже такой мелочи, как право отдать свою кровь под своим именем, у него не было.

Он мог только стоять в тени и слушать, как Фу Гэ снова и снова благодарит кого-то другого, смиренно кланяется и мягко улыбается, даже не подозревая, кто на самом деле спасал его всё это время.

Не то чтобы Ци Хань ни разу не хотел сказать правду. В ту ночь, когда он потерял над собой контроль, слова уже почти сорвались с губ.

Но Фу Гэ был слишком упрямым. Если бы он узнал, чьи феромоны на самом деле текут в его жилах, то наверняка отказался бы от лечения.

А это означало бы, что он умер бы, не раздумывая, потому что теперь у него не осталось

ничего, ради чего стоило бы жить.

После того как Ци Хань вернул ему тот дом и часть активов, Фу Гэ первым делом выплатил все свои медицинские счета. А потом тут же собрался оформить дом на Ци Чуаня, а ещё перевёл несколько десятков тысяч юаней на счета тех парней из клуба, которые когда-то помогли ему сбежать.

Оставшиеся деньги он почти полностью пожертвовал Художественной академии Пекина — той самой, куда мечтал поступить после школы. Ему не удалось учиться там, но он хотел хотя бы так сделать что-то хорошее.

Кроме этого, он не планировал для себя ничего.

Когда он был беден, каждая картошка фри казалась праздником. Но сейчас, когда денег было более чем достаточно, не осталось ни малейшего желания что-то покупать.

Единственным его развлечением было сидеть у окна после трёх часов дня и смотреть на сад перед больницей. Там, на лужайке, как по расписанию, появлялся мальчишка, который медленно и неуклюже таскал мольберт и рисовал под солнцем.

Фу Гэ не знал, какая у него болезнь, но, вероятно, не слишком серьёзная — родители и старший брат всегда были рядом.

Папа придерживал мольберт, мама аккуратно держала подставку с красками, а старший брат, размахивая руками, строил рожицы, чтобы рассмешить младшего.

Мальчишка жил той самой тихой, простой жизнью, о которой Фу Гэ мог только мечтать. Но теперь он даже завидовать не смел.

Потому что это было слишком роскошно для него.

Ни семьи, ни любимого человека, ни даже здорового тела. И навсегда утраченная способность держать кисть.

Фу Гэ мог только тихо сидеть у окна по два-три часа, наблюдая за маленьким мальчиком в саду. Когда тот делал успехи, он невольно радовался за него, а когда малыш рисовал что-то кривое и неуклюжее — на губах Фу Гэ появлялась едва заметная улыбка.

Как-то раз Ци Хань своими глазами увидел, как Фу Гэ непроизвольно улыбнулся, глядя на мальчишку, который, язык на бок, неуклюже обводил линии. И прежде чем успел себя остановить, тихо поправил:

— Ты не так делаешь, малыш, сначала надо обвести контуры...

Но стоило ему поднять правую руку, как голос мгновенно оборвался. Лицо застывшим маской, Фу Гэ молча опустил руку и спрятал её в рукав.

Будто пытался скрыть что-то грязное и постыдное.

На следующий день он тихонько попросил знакомую медсестру купить дорогие художественные принадлежности и тайком передать их тому мальчишке.

Во-первых, чтобы поблагодарить его за молчаливую компанию все эти дни.

А во-вторых, чтобы хотя бы так поддержать его и дать мотивацию продолжать.

Рисовать — это было так здорово. Фу Гэ уже давно не знал этой радости, но надеялся, что хотя бы кто-то сможет её сохранить.

Он тысячу раз повторил медсестре не говорить мальчику, от кого подарок. Но наивно было надеяться, что ребёнок ничего не поймёт.

В тот день, когда он получил подарок, малыш, укутанный в пижаму и пушистую куртку в чёрно-белый горошек, с капюшоном на голове, выглядел как мохнатая рисовая булочка.

Пухлый комочек уселся на стул и сосредоточенно принялся рисовать новыми карандашами. В какой-то момент он вдруг резко обернулся и, увидев знакомое лицо в окне второго этажа, громко крикнул:

— Братик!

Фу Гэ вздрогнул от неожиданности, в панике вскочил и затрявшимися пальцами дёрнул штору, пытаясь спрятаться.

Но маленький комочек не сдавался, стоял внизу, уперев руки в бока, и, размахивая пухлыми ладошками, настойчиво вопил:

— Братик! Братик! Спасибо за подарок! Братик, смотри на меня! Я до верхушки не дотягиваюсь!..

Фу Гэ не выдержал и, выглянув из-за шторы, тоже повысил голос:

— Не за что! Тебе что-то нужно?..

Мальчишка старательно отклеил от альбома листок с рисунком, ловко сложил его в бумажный самолётик, переминаясь с ноги на ногу. Потом шмыгнул носом и разогнался, чтобы бросить.

— У меня тоже есть подарок для братика! Надеюсь, братику понравится! — звонко выкрикнул он.

Но не успел закончить, как шмяк! — с размаху плюхнулся на траву, растянувшись плашмя, словно крошечная колобок.

Фу Гэ непроизвольно прикрыл рот рукой, чтобы не рассмеяться, но глаза предательски заблестели. В уголках губ дрожала улыбка, тёплая и такая невольная, будто сама пробилась сквозь глухую боль.

Маленький рисовый комочек на траве смешно завозился, отплёвываясь от прилипшей зелени, и громко завопил:

— Братик! Я не нарочно! Ты не смотри, я сейчас поднимусь!

Фу Гэ не сдержался и рассмеялся, наблюдая, как мальчишка, покраснев до кончиков ушей, подскочил на ноги.

Сначала он выглядел смущённым до глубины души, но, завидев улыбку Фу Гэ, будто заново зарядился энергией. Вцепившись в бумажный самолётик, он, словно маленький танк, понёсся вперёд.

С большим трудом добравшись до окна, малыш, тяжело дыша, протянул самолётик и, задрав голову, уставился на Фу Гэ с таким нетерпеливым ожиданием, что оторвать взгляд было невозможно.

— Братик, открой! — пропыхтел он, глаза сияли, будто звёздочки.

Фу Гэ послушно развернул самолётик и, увидев, что на бумаге нарисовано пухлое, ярко-красное сердечко, невольно улыбнулся ещё теплее.

— Ты хочешь подарить это мне? — мягко спросил он, уголки губ дрожали от сдерживаемого смеха.

Мальчишка стеснительно кивнул, лицо горело, а чтобы казаться «постарше», встал на носочки и с серьёзным видом выпалил:

— Это моё сердце! Большое-пребольшое! Когда я вырасту, я женюсь на братике!

Фу Гэ уже и не знал, какой раз за этот день смеётся, но тепло в груди не утихало. Он аккуратно сложил листок и с притворной серьёзностью сказал:

— Тогда тебе придётся постараться и рисовать ещё лучше. Я ведь выйду замуж только за большого художника.

Мальчишка энергично закивал, но не успел ничего ответить, как его позвали родители:

— Сяо Бао, ты что там делаешь?

Пухлое существо обернулось и с невинными глазами выпалило:

— Смотрю на свою жену!

И тут же, не дав родителям опомниться, сложил пальцы сердечком и, привстав на носочки, подпихнул его вверх, будто отправлял в полёт:

— Жена, я пошёл! Мне пора пить молоко!

Он, смешно придерживая капюшон, припустил по дорожке, топая как маленький медвежонок, но через секунду сообразил, что забыл свой мольберт, и, смешно охнув, бросился обратно.

Это был самый счастливый день для Фу Гэ за всё время, что он лежал в больнице.

Ци Хань стоял за дверью и молча смотрел, как он, сияя, будто только что получил самый дорогой подарок, осторожно прижимает к груди ту бумажку с неровным сердечком.

Даже на таком расстоянии было заметно, что сердечко на рисунке слегка покосилось, а в одном месте цвет лег неровно, оставив светлую полоску.

Ци Хань заметил это издалека.

Значит, Фу Гэ наверняка тоже увидел.

Но Фу Гэ только улыбался, будто и не замечал ничего, и глаза его светились такой тёплой нежностью, что сердце Ци Ханя сжалось болезненно и глухо.

Он долго молча смотрел на это пятнышко на сердечке, не двигаясь.

А потом вдруг медленно поднялся, шатаясь, и дрожащей рукой достал из старого набора одну

из забытых кистей.

Ци Хань, стоя за дверью, замер, не дыша, глаза широко распахнулись, а сердце подскочило к самому горлу. Он даже не моргал, боясь спугнуть это хрупкое чудо.

Да, малыш, попробуй ещё раз... Ну же, ты сможешь... — мысленно шептал он, сцепив пальцы так, что побелели костяшки.

Фу Гэ глубоко вздохнул и, крепко сжав кисть, медленно потянул её к бумаге. Но чем ближе подносил, тем сильнее тряслись пальцы, и уже через несколько секунд ладонь покрылась липким потом, а по вискам скатились крупные капли.

Ци Хань молча прижался к двери, губы его дрожали. Он смотрел, как Фу Гэ медленно тянется к бумаге, и с каждой секундой молился только об одном:

Пожалуйста, попробуй ещё раз... Ты сможешь...

Фу Гэ зажмурился, стиснул зубы, но тело не слушалось. Пальцы мелко дрожали, и, чтобы хоть как-то удержать себя в реальности, он судорожно прижал левую руку к правому запястью, стараясь подавить страх.

Но в следующий миг пальцы ослабли, и кисть с глухим стуком выпала из руки. В тот же миг Фу Гэ пошатнулся, едва не упав, и, обессиленно осев на пол, застыл, как сломанная кукла.

Из перевернутой баночки брызнули яркие капли краски, и густые алые пятна расплылись по рисунку. Пухлое сердечко, нарисованное мальчишкой, испачкалось краской и стало похоже на растекшуюся кровь.

Мальчишкин подарок был уничтожен.

Ци Хань замер. Пальцы, что цеплялись за косяк, вдруг ослабли, и он медленно сполз по стене, закрывая лицо руками.

Через несколько минут из палаты слышались глухие хлопки, один за другим.

Шлёп... шлёп... шлёп... — словно кто-то с силой бил себя по щеке.

А потом, не выдержав, Фу Гэ разрыдался, не сдерживаясь, всхлипывая так, будто от этой боли не было спасения.

В ту ночь Фу Гэ отказался от ужина.

Все лекарства и переливание перенесли на утро. Он заперся в комнате и молча, без звука, методично полосовал кожу на руках канцелярским ножом.

Ци Хань стоял по ту сторону одностороннего стекла, не смея даже пошевелиться. Он не мог зайти, не мог произнести ни слова, потому что боялся: если Фу Гэ его услышит, то тут же полоснёт по запястью глубже, не оставляя ему даже шанса исправить хоть что-то.

Только под утро, когда Фу Гэ, обессиленный, наконец забрался в постель, Ци Хань бросился в палату вместе с врачами.

Руки маленького беты были все изрезаны, кожа разодрана, каждые несколько сантиметров виднелись глубокие порезы, и на бинтах мгновенно проступала кровь.

Ци Хань осторожно, будто хрупкий фарфор, обнял его, медленно выпуская феромоны, чтобы хоть как-то его успокоить.

Фу Гэ тяжело дышал, но постепенно расслабился и провалился в глубокий сон. А когда врачи ушли, Ци Хань аккуратно вытащил из-под подушки ту самую бумажку с нарисованным пухлым сердечком.

На обратной стороне, неаккуратным и кривым почерком, были выведены несколько строк:

«Уже глубокая осень, но я до сих пор не чувствую, как меняется температура. Все цвета вокруг будто потускнели.»

«В последнее время мне всё чаще снится отец, но я не могу разглядеть его лицо. В последний раз мы виделись, когда мне было шесть, и с тех пор он так и не вернулся.»

«Я не смог сохранить ни одной его фотографии. После того случая они всё разбили и разорвали. Я пытался нарисовать его по памяти, но пальцы будто приросли к кисти, и я не смог сделать даже первый штрих. Прости меня, папа.»

«Я обещал тебе многое...»

«Вырасти хорошим человеком. Продолжать рисовать. Быть счастливым. Жить в мире. Я старался. Старался так долго... но это оказалось слишком тяжело.»

«Говорят, что умершие остаются здесь, пока вся семья не соберётся. Я стал таким. Будете ли ты и мама ждать меня?»

«Если да... пожалуйста, заведи меня с собой.»

«Папа, я больше не выдержу.»

«Я просто хочу снова быть Фу Гэ. И уйти, никому ничего не оставляя.»

<http://bllate.org/book/14453/1278321>